

De la psychose paranoïaque dans ses rapports avec la personnalité

Quilibet unius cujusque individui affectus ab affectu alterius tantum discrepat, quantum essentia unius ab essentia alterius differt.

Spinoza, *Ethique*, III, prop. LVII.

CURRICULUM EN PSYCHIATRIE

1927-28. Clinique des maladies mentales et de l'encéphale (Professeur Henri Claude).

1928-29. Infirmerie spéciale près de la préfecture de police (Georges de Clérambault).

1929-30. Hôpital Henri Rousselle.

Clinique du Burghölzli en août-septembre.

1930-31. Hôpital Henri Rousselle. Diplôme de médecin légiste.

1931-32. Clinique des maladies mentales et de l'encéphale.

Infirmerie spéciale près de la préfecture de (Georges de Clérambault). Hôpital Henri Rousselle. Clinique du Burghölzli en août-septembre. police & Hôpital Henri Rousselle. Diplôme de médecin légiste. HENRI EY ET PIERRE MALE, AINSI QU'À PIERRE MARECHAL. 1930-31. 1931-32, Clinique des maladies mentales et de l'encéphale.

[Параноидальный психоз в отношениях с личностью]

[Привязанности каждого человека отличаются от привязанностей другого настолько же, насколько сущность одних отличается от сущности других.

Спиноза Этика, III, глава LVII..]

Клиника психических заболеваний и энцефала

1927-28 гг.

(Профессор Анри Клод).

**СЛЕДУЮТ ПОЧТЕНИЕ МОЕЙ СЕМЬЕ
И МОИМ УЧИТЕЛЯМ В МЕДИЦИНЕ
СОГЛАСНО ОБЫЧАЮ ТЕЗИСОВ.
А ТАКЖЕ УПОМИНАНИЕ СТАРШИХ,
КОТОРЫХ Я ЧТУ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЭДУАРА ПИШОНА.**

ЗАТЕМ ДАНЬ МОИМ ТОВАРИЩАМ

1928-1929 гг.

1929-1930 гг.

Специальная больница при префектуре полиции
(Жорж де Клерамбо).

Госпиталь Анри Руссель.

Клиника Бургелия в августе-сентябре.

Госпиталь Анри Руссель. Диплом судебного врача.

Анри Эй и Пьер Маль,
А ТАКЖЕ Пьер Марешаль.

1930-31 гг.
1931-32 гг.

Клиника психических заболеваний и энцефала.40

Introduction Parmi les états mentaux de l'aliénation, la science psychiatrique a dès longtemps distingué l'opposition de deux grands groupes morbides; c'est à savoir, de quelque nom qu'ils aient été affectés, selon les époques, dans la terminologie, le groupe des démences-et-le-groupe des psychoses.

Введение

Среди психических состояний, связанных с отчуждением, психиатрическая наука уже давно выделила противопоставление двух крупных групп болезненных состояний; а именно, независимо от того, как их называли в разные эпохи в терминологии, группы деменций и группы психозов.

La méthode clinique, qui a permis de les opposer, a donné la preuve de sa fécondité. Kraepelin, en l'orientant avec une grande force sur des critères d'évolution et de pronostic, a fait porter cette méthode ses suprêmes et plus beaux fruits. L'histoire des doctrines et les discussions les plus récentes montrent pourtant que la valeur de la clinique pure n'est ici qu'approximative, et que si elle peut faire sentir le bien fondé d'une opposition nosologique qui est capitale pour notre science, elle est incapable de la soutenir.

Клинический метод, который позволил противопоставить эти состояния, доказал свою плодотворность. Крепелин, направив его с большой силой на критерии эволюции и прогноза, привел этот метод к его высшим и самым красивым плодам. Однако история доктрин и самые последние обсуждения показывают, что **значение чисто клинического подхода здесь лишь приблизительно, и хотя он может показать обоснованность важного для нашей науки нозологического различия, он не в состоянии его поддерживать.**

Aussi bien, dans la conception de la démence, abandonne-t-on de plus en plus le critère du pronostic, pour s'appuyer sur la mesure d'un déficit capacitaire. La corrélation, au moins grossière, de ce déficit avec une lésion organique, au moins probable, suffit à fonder le parallélisme psycho-organique des troubles démentiels.

Таким образом, в концепции деменции все больше отказываются от критерия прогноза, чтобы опираться на оценку дефицита способностей. Корреляция, по крайней мере грубая, этого дефицита с органическим поражением, по крайней мере вероятным, достаточна для обоснования психо-органического параллелизма деменциальных расстройств.

La psychose, prise au sens le plus général, en prend par contraste toute sa portée qui est d'échapper à ce parallélisme et de révéler qu'en l'absence de tout déficit décelable par les épreuves de capacités (il mémoire, de motricité, de perception, d'orientation et de discours), et en l'absence de toute lésion organique seulement probable, il existe des troubles mentaux qui, rapportés, selon les doctrines, à la « affectivité », à la « jugement », à la « conduite », sont tous des troubles spécifiques de la synthèse psychique. C'est pourquoi, sans une conception suffisante du jeu de cette synthèse, la psychose restera toujours une énigme : celle qu'ont exprimée successivement les mots folie, « vésanie, paranoïa, délire : partiel, discordance, schizophrénie.

Психоз, взятый в самом общем смысле, по контрасту приобретает все свое значение, заключающееся в том, чтобы избежать этого параллелизма и показывать, что при

отсутствии какого-либо выявляемого дефицита в способности (например, в памяти, моторике, восприятии, ориентации или речи) и при отсутствии хотя бы вероятного органического поражения существуют психические расстройства, которые, в зависимости от доктрин, **связываются с «аффективностью», «суждением», «поведением» и представляют собой специфические нарушения психической синтеза**. Поэтому, без достаточного понимания механизмов этой синтеза, **психоз всегда будет оставаться загадкой**, выраженной последовательно такими словами, как безумие, мания, паранойя, бред, частичное расстройство, расхождение, шизофрения.

Cette synthèse, nous Pappelans p.rrm:rwf:ff, et nous tentons de définir objectivement les phénomènes qui lui sont propres, en nous fondant sur leur sens humain (Ire partie, chap.).

Эту **синтезу** мы называем **первичной** и стремимся объективно определить явления, которые ей свойственны, опираясь на их человеческое значение (первая часть, глава I).

Ce n'est la méconnaître aucune légitime conception des ;l"ar.rrn-r.r organiques qui s'y composent. De même en effet que ce n'est pas nuire aux déterminations physico-chimiques des phfnm&n:r- vitaux que de relever leur caractère proprement organique et de les définir par 1, de même n'est-ce pas négliger la base hl'l}ttlglqu!: des phénomènes dits de la personnalité que de tenir compte d'une cohé- rence qui leur est propre et se définit par ces rffanfm demmp{rbmmn, ol s'exprime la commune mesure des conduites humaines. Le déterminisme de ces phénomènes, loin de s'y évanouir, y apparaît renforcé.

Это вовсе не означает игнорирование законных представлений об органических факторах, которые входят в их состав. Точно так же, как подчеркивание их по-настоящему органического характера и определение жизненных явлений через их физико-химические свойства не умаляет их значимости, так и **рассмотрение так называемых явлений личности через призму присущей им целостности и логики не отвергает их биологической основы**. Такая целостность проявляется в тех фундаментальных формах, в которых выражается общая мера человеческого поведения. Детерминизм этих явлений, вместо того чтобы исчезать, становится еще более очевидным.

Nous posons donc le problème des rapports de la psychiatrie avec la personnalité, Ce faisant, nous ne nous engageons pas dans une glc_m vaines recherches sur les inconnues d'une chaîne causale, qui font en médecine la mauvaise réputation du terme de pathogénie. Non plus ne nous adonnons-nous 4 l'une de ces spéculations qui, pour répondre 4 d'irrépressibles exigences de l'esprit, n'en sont pas moins rejetées dans la métaphysique, et par certains non sans mépris,

Мы ставим проблему соотношения психоза и личности. При этом мы не впадаем в бесплодные поиски неизвестных в причинной цепочке, которые в медицине приносят дурную славу термину "патогения". Также мы не занимаемся спекуляциями, которые, хотя и направлены на удовлетворение неукротимых требований разума, нередко отбрасываются в сферу метафизики, а иногда отвергаются с презрением.

Rien de plus positif que notre problème : c'est éminemment un problème de faits, puisque c'est un problème d'ordre de faits, ou, pour mieux dire, un problème de logique causale, Pour l'aborder, nous avons choisi la psychose paranoïaque Historiquement, en effet, les conflits des doctrines, quotidiennement les difficultés de l'expertise médico-légale nous démontrent à quelles ambiguïtés et à quelles contradictions va toute conception de cette psychose qui prétend se passer d'une définition explicite des phénomènes de la personnalité.

Ничто не может быть более конкретным, чем наша проблема: это в высшей степени проблема фактов, поскольку она относится к области фактов, или, точнее говоря, это проблема причинной логики. Для её изучения мы выбрали параноидальный психоз. Исторически конфликты доктрин и повседневные трудности судебно-медицинской экспертизы демонстрируют, к каким двусмысленностям и противоречиям приводит любая концепция этого психоза, которая пытается обойтись без четкого определения феноменов личности.

Dans une première partie de notre travail, nous prétendons donner d'abord une définition objective de ces phénomènes de la personnalité, puis nous retraçons l'histoire des doctrines, spécialement des plus récentes, sur la psychose paranoïaque.

В первой части нашей работы мы намерены сначала дать объективное определение феноменов личности, затем мы изложим историю доктрин, особенно самых современных, касающихся параноидального психоза.

Représente-t-elle le développement d'une personnalité, et alors traduit-elle une anomalie constitutionnelle, ou une déformation rédactionnelle ? Ou bien la psychose est-elle une maladie autonome, qui remanie la personnalité en brisant le cours de son développement ? Tel est le problème que pose l'exposé même des doctrines.

Представляет ли она развитие личности и, таким образом, отражает ли это конституциональную аномалию или искажение в процессе формирования? Или же психоз является самостоятельным заболеванием, которое изменяет личность, нарушая ход её развития? Такова проблема, которую ставит само изложение доктрин.

Si nous avons apporté quelque soin à cet exposé, ce n'est pas seulement dans un intérêt de documentation dont nous savons pourtant le prix pour les chercheurs, c'est que s'y révèlent des progrès cliniques incontestables. Les antinomies ne s'en avèrent que mieux, et aboutissent chacune de ces doctrines, et qui sont contenues dans l'incertitude de leur départ.

Если мы уделили внимание этому изложению, то не только из интереса к документации, ценность которой мы хорошо понимаем для исследователей, но и потому, что здесь проявляются несомненные клинические достижения. Антиномии только яснее проявляются в том, к чему приводит каждая из этих доктрин, и содержатся в неопределенности их отправных точек.

Dans une seconde partie nous tentons de montrer que l'application d'une méthode théoriquement plus rigoureuse mène à une description plus concrète, en même temps qu'à une conception plus satisfaisante des faits de la psychose.

Во второй части мы пытаемся показать, что применение теоретически более строгого метода ведет к более конкретному описанию и, одновременно, к более удовлетворительному пониманию фактов психоза.

Mous n'avons cru pouvoir mieux réaliser cette démonstration fu'en choisissant, dans le grand nombre de faits cliniques dont nous disposons, un de nos cas, et en l'explorant — histoire de la vie et histoire de la maladie, structure et \signification des sympt- tmes — de facon exhaustive,

Мы сочли, что лучше всего продемонстрировать это, выбрав один из множества имеющихся у нас клинических случаев и тщательно его исследовав — от истории жизни и истории болезни до структуры и значения симптомов.

MNous pensons que notre effort n'aura pas été stérile. Il nous livre en effet un fype clinique nosologiquement plus précis, descrip- Hvement plus concret, pronostiquement plus favorable, que les lypes jusqu'ici reconnus.

Мы надеемся, что наш труд не будет бесплодным. Он действительно представляет более точный нозологический тип, более конкретный в описании и более благоприятный в прогнозе по сравнению с признанными до сих пор типами.

En outre, ce type a par lui-même une valeur manifeste de solution particulère dans notre problème. (l'est ce qui lui donne enfin sa valeur métbodologigne.

Кроме того, этот тип сам по себе имеет явную ценность в качестве частного решения нашей проблемы. Это придаёт ему, в конечном итоге, методологическую значимость.

Dans un thiapitre de conclusions doctrinales, nous indiquons quelle portée géndrulle peut avoir dans l'""étude des psychoses la méthode de techerches dont ce type clinique est le fruit.

В главе с доктринальными выводами мы указываем, какое общее значение может иметь в изучении психозов метод исследования, плодом которого стал этот клинический тип.

Certes, dans l'étude des psychoses, chaque jour semble apporter fueliue corrélation organigee nouvelle; qu'on y regarde de prés : #8u corrélations, que nous ne songeons pas 4 discuter, n'ont qu'une portée particlle, et ne prennent leur intérêt que du point de vue doctrinal qu'elles prétendent renforcer. Elles ne suffisent point pourtant i le construire. Que ceux qui accumulent ces mate- riaux ne sc fassent pas illusion; les faits de notre science ne per- mettent pas d'échapper au souci de 'homme.

Безусловно, в изучении психозов каждый день, кажется, приносит новые органические корреляции; если присмотреться внимательно: эти корреляции, которые мы не собираемся оспаривать, имеют лишь частное значение и приобретают интерес только с точки зрения доктрины, которую они стремятся подкрепить. Однако они недостаточны для ее построения. Пусть те, кто накапливает эти материалы, не питают иллюзий; факты нашей науки не позволяют уйти от заботы о человеке.

Nous remercions Monsieur le Professeur Claude du patronage qu'il a accordé à l'élaboration de notre thèse. Nous osons dire que les positions générales qu'elle défend, en doctrine et en clinique, sont dans la droite ligne de sa pensée et de son école.

Мы выражаем благодарность господину профессору Клоду за покровительство, которое он оказал в процессе подготовки нашей диссертации. Мы осмеливаемся утверждать, что общие позиции, которые она защищает в плане доктрины и клиники, находятся в полном соответствии с его мыслями и с традицией его школы.

Mous sommes également très reconnaissant au Docteur Heuyer, qui a bien voulu prêter une oreille bienveillante & 'exposé de notre thèse, et nous a ainsi confirmé dans la manifestation de certaines de nos tendances extrêmes.

Мы также глубоко признательны доктору Хейеру, который любезно выслушал изложение нашей диссертации и тем самым подтвердил нам важность проявления некоторых наших крайних тенденций.

Nous voulons encore remercier ici les maîtres de la psychiatrie dont nous n'avons pas eu l'honneur d'être élève, mais qui nous ont fait la faveur de nous entendre sur quelque point de notre dessein, et de nous ouvrir leur service pour l'observation de cas qui leur semblaient particulièrement y répondre. Ces observations, pour n'avoir pu être rapportées dans notre thèse, n'en forment pas moins une part des bases solides de notre travail.

Мы также хотим выразить благодарность мастерам психиатрии, у которых мы не имели чести быть учениками, но которые оказали нам честь выслушать нас по некоторым аспектам нашего замысла и открыли для нас свои отделения для наблюдения случаев, которые, по их мнению, особенно соответствовали нашей работе. Эти наблюдения, хотя и не были включены в нашу диссертацию, тем не менее, составляют значительную часть прочной основы нашего исследования.

MNous remercions tout spécialement le Docteur Petit, médecin de la maison de santé de Ville-Evrard, qui nous a traité avec une générosité dont nous nous sentons profondément honoré.

Мы особо благодарим доктора Петита, врача лечебницы в Виль-Эвраре, который относился к нам с такой щедростью, за что мы чувствуем глубокую признательность.

Nous exprimons notre gratitude aux Docteurs Sérieux et Cap- gras pour l'accueil qu'ils ont fait & nos vues. On ne peut au reste toucher au sujet de notre thèse sans se sentir débiteur de leurs travaux.

Мы выражаем свою признательность докторам Серьезу и Капграсу за то, что они доброжелательно отнеслись к нашим взглядам. Невозможно затронуть тему нашей диссертации, не чувствуя себя обязанным их трудам.

Nous remercions le Docteur Truelle des directives qu'il a bien voulu nous donner i plusicurs reprises, et dont chacun connait la grande sîreté.

Мы благодарим доктора Труэлля за рекомендации, которые он любезно предоставлял нам неоднократно и которые, как всем известно, отличаются высокой точностью.

Nous reconnaissons notre dette envers le Docteur Guirand, dont la pensée si ouverte nous est apparue plusieurs fois au cours de notre travail comme le plus précieux contrôle qui pat s'offre i l'expression de la ndtre.

Мы признаем наш долг перед доктором Гираном, чьи столь открытые мысли неоднократно представлялись нам в ходе работы самым ценным ориентиром для выражения наших собственных идей.

Nous rendons hommage i nos collègues du groupe de l' Evolution au sein de notre société, et pour nous avoir ainsi permis de sou- mettre 4 une première épreuve les idées qui trouvent ici leur forme achevée.

Мы выражаем признательность нашим коллегам из группы "Эволюция" в рамках нашего общества за то, что они позволили нам испытать наши идеи на первой стадии, что привело к их окончательной форме, представленной здесь.

Nu_us. remercions le Docteur Baruk qui nous a laissé érudier 4 l'asile de Charenton deux cas de réaction paranolaque.

Мы благодарим доктора Барука, который предоставил нам возможность изучить два случая параноидальной реакции в приюте Шарантон.

MNous remercions enfin ceux qui nous ont aidé avec un dévoue- ment méritoire dans la part matérielle, si ingrate, de notre travail : Madame O.5. et notre ami Pierre Mareschal.

Наконец, мы выражаем благодарность всем, кто оказал нам преданную и самоотверженную помощь в материальной, столь трудоемкой части нашей работы: госпоже О.С. и нашему другу Пьеру Марешалю.

I

POSITION THEORIQUE ET DOGMATIQUE DU PROBLEME

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ДОГМАТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

1. A Formation historique des psychoses paranoïa

Историческое формирование параноидальных психозов

Trois écoles, au premier plan, ont travaillé, non sans s'influencer, isolement du groupe : la française, l'allemande, l'italienne. Notre intention n'est point d'exposer de leur travail un historique qui, maintes fois refait sur des prototypes remarquables¹, a trouvé sa place ailleurs et n'intéresse notre étude que dans ses points d'arrivée,

Три школы, находившиеся в авангарде, работали над изоляцией группы параноидальных психозов, влияя друг на друга: французская, немецкая и итальянская. Наша цель не состоит в том, чтобы представить историю их работы, которая уже неоднократно излагалась в рамках замечательных прототипов и нашла своё место в других исследованиях. Нас интересуют только конечные результаты их подходов.

Rappelons que la dénomination du groupe dérive du terme de paranoïa, employé d'abord en Allemagne²

Следует напомнить, что название группы происходит от термина «паранойя», который первоначально использовался в Германии.

A vrai dire, le terme avait alors une extension qui rendait son emploi singulièrement éloigné de celui auquel il est maintenant affecté. Kraepelin dans son traité³, Bouman d'Utrecht aussi dans un article récent⁴, et non sans quelque ironie, évoquent le temps où 40 % des cas d'asile étaient catalogués paranoïa. (Cette extension était due aux influences de Westphal et de Cramer,

На самом деле, в то время этот термин имел гораздо более широкое значение, что делало его использование сильно отличающимся от того, что принято сейчас. Крепелин в своём

¹ ly Rapport de Cramer sur la délimitation de la paranoïa, présenté à la Soc. Psych. de Berlin le 16 déc. 1893, publié sous le titre « Abgrenzung und Differenzialdiagnose der Paranoïa », dans: Al Zentr. f. Psychiatr., L1, 2: Kraepelin, Ealebih der Psychiatrie, éd. 1915, bd, IV, p. 1707-1714; Séricux et Capgras bLar Falivr raironmanier, 1996, p. 287-316, cte,

² O terme, déjà employé par les Grecs, fut utilisé par Heinroth en 1818 WRIN winn Laebelsick des S tsrungen des Seclanslebens, inapicé des doctrines kantiennes

³ . i Kenepelin, Lebrbuch der Pryebistrie, 1913, p. 1709,

⁴ A4 Boiman (d'Utrecht), Popchistrische o8 Newrologinche, Bladen-Jaargang, Wi, ot oy,

трактате, а также Боуман из Утрехта в недавней статье с иронией вспоминали времена, когда значительный процент случаев в психиатрических больницах классифицировался как паранойя. Эта расширенная интерпретация была вызвана влиянием Вестфала и Крамера.

Крамер представил свой доклад о разграничении паранойи на заседании Берлинского психиатрического общества 16 декабря 1893 года, который был опубликован под названием «Abgrenzung und Differential Diagnose der Paranoia» в журнале «Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie», том LI, 2. Крепелин обсуждает это в своем «Учебнике психиатрии», издание 1915 года, том IV, страницы 1707-1714. Серьез и Капграс также рассматривают эту тему в «La Folie raisonnée», 1906 год, страницы 287-316 и другие.

Термин, уже использовавшийся греками, был применен Гейнротом в 1818 году в его работе о нарушениях психической жизни, вдохновленной кантовскими доктринами. Крепелин упоминает это в своем «Учебнике психиатрии», 1913 год, страница 1709. Боуман из Утрехта также обсуждает это в «Psychiatrische en Neurologische Bladen-Jaargang», том VI.

La paranoia était alors le mot en psychiatrie qui eut « la signification la plus vaste et la plus mal définie⁵ »; c'était aussi la notion plus inadéquate 2 la clinique. Elle devient avec Westphal peu près synonyme, non seulement de délire, mais de trouble intellectuel. Et ceci menait loin 4 une époque où on était prêt à admettre des délires larvés ou « en dissolution » (gerfallen) comme causes de toutes sortes d'états singulièrement différents d'un trouble intellectuel primitif. Kraepelin se gaussait⁶ de ces diagnostics de « vieux paranoïaques », qu'on posait sur des cas répondant à la démence précoce, sur des états de stupeur confusionnelle, etc. En fait, Westphal (1876), outre la Verrücktheit primaire, faisait entrer dans la paranoia, sous le titre de Verwirrung et de Verrücktheit aigue, des cas de confusion mentale aiguë, de psychoses toxiques ou d'évolutions démentielles. Il en étendait même le cadre à une Verrücktheit abortive, dont les symptômes étaient de nature obsessionnelle⁷, Notons pourtant qu'entre les auteurs antérieurs la discussion

Термин "паранойя" в то время имел самое широкое и наименее четкое значение; он также был наиболее неподходящим для клинического использования. С приходом Вестфала это понятие стало почти синонимом не только бреда, но и интеллектуального расстройства. Это привело к широким последствиям в эпоху, когда было готово признать так называемые скрытые или "распадающиеся" бреды (gerfallen) как причины самых разных состояний, совершенно отличных от первичных интеллектуальных нарушений. Крепелин иронизирует над этими диагнозами "старых параноиков", которые ставились в случаях, связанных с ранней деменцией, состояниями конфузионного ступора и т.д. На самом деле, Вестфаль (1876), помимо первичного Verrücktheit (безумия), включал в паранойю под названиями Verwirrung (замешательство) и Verrücktheit (сумасшествие) случаи острого психического замешательства, токсических психозов или дементных состояний. Он даже расширил понятие до "неполной Verrücktheit", симптомы которой носили навязчивый характер.

⁵ 5. Séglas, 4 La Paranoïa, Historique et critique, Arch. Neural., 18578 Серглас, "Паранойя, историческое и критическое", Arch. Neural., 1857. Ссылки на "Учебник" (уже цитировавшийся), стр. 1710.

⁶ Lebrück (déjà cité) p. 1710

⁷ Vair Keraval, « Des délires plus ou moins cohérents désignés sous le nom de paranoïa », Arch. Neural., déc. 1895, 0* 94, p. 471-480. La suite de Vair Keraval, Arch. Neural., 1895, n° 95, p. 23-33; 0* gb, p. 91-101; et passim n° 97, 187-200; n° o, p. 274-292, et une mise au point capitale. - См. также работы Кервала, «О более или менее упорядоченных бредах, обозначаемых под именем паранойи», Arch. Neural., декабрь 1895, № 94, стр. 471-480. Продолжение исследований в Arch. Neural., 1895, № 95, стр. 23-33; № 96, стр. 91-101 и далее в № 97, стр. 187-200; № 98, стр. 274-292, что представляет собой важное уточнение.

Notons pourtant qu'entre les auteurs antérieurs la discussion avait d'abord porté sur le mécanisme primitivement affectif ou primitivement intellectuel du délire. Griesinger (1867) tenait pour une [Zerriicktbeir secondaive, qu'une période primaire de perturbation affective, # symptômes mélancoliques, puis maniaques, chit régulièrement précédée. Ce point de doctrine montre comment les faits se sont offerts aux premiers observateurs. Clest & partit® de Sander (1868) que 'on admet une « origindre [erricktheit ») a trouble intellectuel primitif,

Следует, однако, отметить, что среди более ранних авторов дискуссия сначала касалась первичного механизма бреда, рассматривая его как аффективное или интеллектуальное по природе явление. Гризингер (1867) считал, что первичная аффективная фаза с меланхолическими, а затем маниакальными симптомами регулярно предшествует "вторичному безумию" (Verrücktheit). Этот аспект доктрины показывает, как первые наблюдатели воспринимали факты. Начиная с Сандера (1868), начали признавать "первичное безумие" (Verrücktheit) как первичное интеллектуальное расстройство.

trouble intellectuel primitif, C'est sur ce trouble intellectuel que s'appuyait Cramer dans son' rapport i la Société de Berlin⁸, pour proposer une conception unique, qui embrassait la [erricktheit, le Wabnsinn et 1 Amentias Il se fondait sur les interférences cliniques de ces formes et l'idéo=3 gendse vicieuse qui leur est commune. De cette conception fons citrement fausse, toute l'évolution de la psychiatrie fait justice par ses gains désormais acquis @ — Pisolement de la eonfusion

Первичное интеллектуальное расстройство было основой для Крамера, когда он представил свой доклад Берлинскому обществу, предлагая уникальную концепцию, охватывающую Verrücktheit, Wahnsinn и Amentia. Он опирался на клинические пересечения этих форм и порочную идеогенезу, которая им присуща. Эта фундаментально ошибочная концепция была опровергнута всей последующей эволюцией психиатрии, достигшей значительных успехов, — в том числе и в изоляции состояния замешательства.

n_i:nu_:]c préparée par l'école de Vienne, affirmée en France par Chaslin⁹ continuateur lui-même de Delasiauve: — la notion des psychoses toxiques et organiques diverses, épileptiques, syphi- litiques, involutives; — la création du grand cadre de la démence précoce, laquelle entraîna la rénovation des conceptions sur la démence.

"Подготовленная Венской школой, утвержденная во Франции благодаря Шаслену, который сам продолжал дело Делазьюва: — понятие различных токсических и органических психозов, эпилептических, сифилитических, инволюционных; — создание большой концепции раннего слабоумия, что привело к обновлению представлений о слабоумии."

⁸ Cramer, for. cif., analysé, par Keraval, Areb. Newrol., 1894, 2% Sem. W L4o-141. 8. Крамер, ранее упоминавшийся, анализируемый Керавалем в Arch. Neural., 1894, 2-й семестр, стр. 140-141.

⁹ § Chasling Lo Confurion mentale peimitive, Asselin et Houzeau, 189y,

L'acmé de la période de confusion correspond précisément au rapport de Cramer, et aux discussions qui s'ensuivirent aux séances ultérieures de la Société de Berlin¹⁰, discussions où s'affrontent conceptions et nosologies dans une diversité digne de Babel.

Пик периода смятения точно соответствует докладу Крамера и последующим обсуждениям на заседаниях Берлинского общества, где столкнулись различные концепции и нозологии, создавая многообразие, достойное Вавилона.

Enfin Kraepelin vint, dirons-nous, pour la clarté des conceptions. Encore ne vint-il définir la paranoïa que dans l'édition de 1899 de son traité; il est resté, jusque-là, très proche des 'conceptions en cours' (éd. de 87, Bo, 91).

Наконец, пришел Крепелин, скажем так, для ясности немецких концепций. Однако он дал определение паранойи лишь в издании своего труда 1899 года; до этого момента он оставался весьма близким к существующим тогда представлениям (издания 1887, 1890, 1891 годов).

des 'conceptions en cours' (éd. de 87, Bo, 91). - C'est dans l'édition de 99 qu'apparaît la définition, non modifiée jusqu'en 1914, qui limite la paranoïa « au développement insidieux sous la dépendance de causes internes et selon une évolution continue, d'un système délirant durable et impossible à ébranler et qui s'instaure avec une conservation complète de la clarté ; de l'ordre dans la pensée, le vouloir et l'action ».

В издании 1899 года появляется определение, не изменявшееся до 1914 года, которое ограничивает паранойю как «постепенное развитие под воздействием внутренних причин с непрерывной эволюцией, характеризующееся устойчивой и несокрушимой системой бреда, устанавливающейся с полной сохранностью ясности, порядка в мыслях, воле и действиях».

L'entité de l'affection, selon la méthode kraepelinienne, se lit : avant tout de l'étude de son évolution. Rien dans celle-ci ne doit révéler ultérieurement quelque cause organique sous-jacente, ce qui exclut l'évolution démentielle. D'autre part, par l'exclusion des paranoïas aiguës, auxquelles Kraepelin refuse toute existence autonome, se trouvent repoussées du cadre de la paranoïa toutes les formes dont l'évolution se démontrerait comme durable, abortive, ou rémittente. Sur ce dernier point théorique Kraepelin, nous le verrons, est revenu par la suite.

Сущность расстройства, согласно крепелинскому методу, прежде всего изучается через его эволюцию. Ничто в этом процессе не должно впоследствии указывать на какую-либо органическую причину, что исключает эволюцию слабоумия. С другой стороны, исключение острых форм паранойи, которым Крепелин отказывал в самостоятельном существовании, выводит за пределы паранойи все формы, чья эволюция оказалась бы нестабильной,

¹⁰ b Séances de la Société de Berlin, 17 mars 1891. Jasibowine, Jolly, Mendel, Moelli, etc. voir intervenir : id e

абортивной или ремиттирующей. По этому теоретическому аспекту Крепелин впоследствии пересмотрел свои взгляды

i Nous nous érendrons quelque peu sur la description kraepe- linlenne, Elle représente en effet la maturité du travail de délimi- Mtlon apéré sur la notion de paranoia, Mais il nous faut d'abord ppeler 'évolution des autres écoles, i le mot de paranoia ne fut adopté que tardivement en France,

Мы несколько подробнее остановимся на крепеленском описании, так как оно представляет собой зрелость работы по ограничению понятия паранойи. Однако нам следует сначала упомянуть эволюцию других школ, поскольку слово "паранойя" было принято во Франции довольно поздно.

la chose y fut connue avec une avance. Cramer dans son rapport le reconnaît. Elle est déjà visible dans toute sa netteté dans 'étude _astpue sur le « délice des persécutions » parue en 1852¹¹,

та вещь была известна заранее. Крамер в своём докладе признаёт это. Она уже отчётливо видна в исследовании Ласега о «бредe преследования», опубликованном в 1852 году.

dnritgnt pouvons, ici non plus, faire une hist:oir_ complète des successives précisions qui furent apportecs 4 l'entité. Indiquons seulement un trait commun, que Kracpelin note cumm:: cm:t&i ristique, des travaux frangais sur le sujet, l:.c].nr effort s'est porté avant tout « i dépeindre les pacticularités cl.tn;lques par la dl:_sl:np: tion la plus vivante qui fit possible¹² »

Здесь мы также не можем представить полную историю постепенных уточнений, которые были внесены в сущность. Отметим лишь одну общую черту, которую Крепелин отмечает как характерную для французских трудов по этой теме: усилия были направлены прежде всего на «описание клинических особенностей наиболее живым образом, насколько это возможно».

L'hommage revient 2 Lastgue, dont les persécuteurs-perséoutés corrcsponficnt assez bien aux revendicateurs de la classification actuelle, a Falret, a Legrand du Saulle, et aussi aux auteurs contemporains.

Заслуга принадлежит Ласегу, чьи преследуемые-преследователи вполне соответствуют современным классификационным представлениям о маниакальных проявлениях, Фалре, Ле Гранду дю Соллю, а также современным авторам.

Ces derniers isolèrent des formes symptomatiques si étroites, qu'elles donnent lillusion d'être fondées sur des mécanismes de la psychologie normale : ainsi firent Sérienx et F.:lpgrflf_p-nus le délire

¹¹ Laségue, « Delire des persécutions w, recucilli dans ses Evuder mvddieales,

¹² Lebrbuck, p. 1713

d'interprétation, Dupré et Logre pour le délire d'imagination. Les revendicateurs, séparés des interpréteurs par Sérieux et Capgras, sans pourtant être exclus des psychoses paranoïaques, devinrent une entité clinique spéciale. On tenta enfin de rapporter celle-ci, après l'avoir groupée assez érrangement avec le délire de jalousie et l'écotomanie, aux mécanismes passionnels.

Последние выделяли столь узкие симптоматические формы, что они создавали иллюзию их основы на механизмах нормальной психологии: так сделали Сериё и Капграс для «бреда интерпретации», Дюпре и Ложье для «бреда воображения».

Претендующие на особую клиническую категорию, отличные от интерпретаторов по Сериё и Капграсу, хотя и не исключённые из параноидных психозов, стали отдельной клинической единицей. Наконец, предприняли попытки увязать её, после довольно странного группирования с бредом ревности и эротоманией, с механизмами страсти.

De telles assimilations pathogéniques ne furent possibles que grâce au travail de dissociation clinique que les chercheurs précédents avaient fait porter sur l'entité ancienne des hémisystématisés. Cette réduction nosologique préalable s'était opérée par l'exclusion des délires « secondaires¹³ », mais surtout par l'isolement des formes hallucinatoires. Les spécificités des formes laissées comme résidu d'un tel progrès, n'en devinrent que plus difficiles à discerner pour les chercheurs.'

Такие патогенетические ассимиляции стали возможны благодаря работе по клиническому расщеплению, выполненной предыдущими исследователями над старой сущностью систематизированных бредов. Это предварительное нозологическое сокращение произошло за счёт исключения «вторичных» бредов, но в особенности благодаря изоляции галлюцинаторных форм. Особенности, оставшиеся в качестве остатка после такого прогресса, становились ещё более сложными для различения исследователями.

Seules, les conceptions de Magnan eussent pu s'opposer à méconnaissance. Elles ne détachaient pas, on le sait, du problème d'ensemble des « délires des dégénérés », les questions particulières posées par les actuelles psychoses paranoïaques. Elles les opposaient par ailleurs très justement au cadre du « fameux délire chronique », lequel répondait à une véritable néo-formation psychique, envahissant, selon une marche rigoureuse, une personnalité préalablement saine. Après le déclin de la doctrine de Magnan, plus rien ne s'opposait à ce qu'on se réfère aux psychoses paranoïaques comme au type même des délires d'origine psychologique, pour mettre en relief par contraste les traits d'un automatisme¹⁴ des psychoses hallucinatoires¹⁴

Только концепции Магнана могли бы противостоять непониманию. Они, как известно, не отделяли от общего вопроса о «бредах дегенератов» патогенетические вопросы, поставленные современными параноидными психозами. Однако они справедливо противопоставляли их рамкам «знаменитого хронического бреда», который соответствовал настоящей психической новообразовательной структуре, постепенно захватывающей личность, изначально здоровую. После упадка доктрины Магнана уже ничто не

¹³ Charpentier, # Des idées morbides de persécution », communication à la Société médico-psychologique, 31 oct. 1887. ;

¹⁴ Lire sous cet angle les travaux de Clésambault sur l'automatisme Hiepbli,

препятствовало тому, чтобы психозы параноидного типа рассматривались как истинные примеры бредов психологического происхождения, подчеркивая, в противовес этому, черты «автоматизма» галлюцинаторных психозов.

Dés lors, les conceptions pathogéniques sur les psychoses paranoïaques devaient trouver leur expression naturelle dans la notion de constitution psychopathique, conçue comme une disposition déterminée de ces traits psychologiques qui font l'objet de l'étude du « caractère » et se révèlent à la fois comme les plus accessibles à l'observation et les plus susceptibles de variations normales. Dupré y contribua par la confiance qu'il accordait à l'explication constitutionnaliste. Le dernier mot en est donné avec une netteté d'affirmation, digne d'éloge sinon d'assentiment, dans l'œuvre de Delmas et de Boll, sur la personnalité humaine¹⁵. Montassut¹⁶ consacra dans sa thèse l'existence et les traits essentiels de la constitution paranoïaque. Nous discuterons leur valeur. Disons que, dans la conception commune, l'orgueil et l'agressivité en forment l'axe.

С этого момента патогенетические концепции параноидных психозов должны были найти своё естественное выражение в понятии психопатической конституции, рассматриваемой как определённое сочетание тех психологических черт, которые являются предметом изучения «характера» и одновременно наиболее доступны для наблюдения и подвержены нормальным изменениям. Дюпре способствовал этому своим доверием к конституционалистскому объяснению. Последнее слово по этому вопросу было ясно и достойно похвалы, если не полного согласия, выражено в трудах Дельмаса и Болля о человеческой личности. Монтасют в своей диссертации подтвердил существование и основные черты параноидной конституции. Мы обсудим их значимость. Скажем, что в общепринятой концепции гордость и агрессивность составляют её сущность.

On voit dès lors les difficultés qui se présentent actuellement dans la conception des psychoses paranoïaques. Un hiatus se manifeste à l'effet entre la constitution, définie par des tendances et des réactions subnormales, et le délire d'interprétation qui en est la manifestation psychopathologique principale. Tout l'ouvrage de M. Genil-Perrin¹⁷ ne parvient pas à combler cet hiatus,

Таким образом, становятся очевидны трудности, которые возникают в современных концепциях параноидных психозов. Возникает разрыв между конституцией, определяемой через тенденции и субнормальные реакции, и бредом интерпретации, который является её основной психопатологической проявлением. Весь труд г-на Жениль-Перрена не смог устранить этот разрыв.

Nous ne pouvons nous étendre sur l'école italienne, mais nous insistons sur le contact qu'elle a su garder avec la conception hégélienne. De ce fait, elle a su mettre dans le meilleur relief les relations de la pensée paranoïaque avec des modes dits pré-archaïques et la pensée primitive, mais qui assurément sont différents de la pensée normale dans leur structure elle-même. Tels sont du moins les efforts de Tanzi, de Riva, etc. favorisés dans cette voie par l'influence persistante des idées de Lombroso et par le

¹⁵ Delmas et Boll, La Personnalité humaine, Flammarion, 1922,

¹⁶ Montassut, thèse,

¹⁷ W Genil-Perrin, Les Paranoïas, Paris, 1924, Paravogues, Maloine, 1926

développement actuel des études sociologiques portant sur la mentalité primitive, les formes prélogiques de la pensée, les fondements de la pensée religieuse, etc.¹⁸.

Мы не можем подробно рассмотреть итальянскую школу, но акцентируем внимание на её связи с дегенеративной концепцией. Благодаря этому ей удалось наиболее ярко выделить отношения параноидного мышления с так называемыми доатавистическими формами примитивного мышления, которые, несомненно, отличаются от нормального мышления по своей структуре. Таковы, по крайней мере, усилия Танци, Рива и других, поддерживаемые в этом направлении благодаря влиянию идей Ломброзо и нынешнему развитию социологических исследований, касающихся примитивного мышления, предлогических форм мышления, основ религиозного мышления и так далее.

Au reste, la définition que donnent de ces érats Tanzi et Riva¹⁹, est la suivante : « Psychopathie primitive, caractérisée par une lésion exclusive des facultés intellectuelles supérieures, chronique, sans évolution démentielle, reconnaissant une origing dégénérative. »

Кроме того, определение, которое дают этим состояниям Танци и Рива, следующее: «Примитивная психопатия, характеризующаяся исключительно поражением высших интеллектуальных способностей, хроническая, без деменциальной эволюции, с признанной дегенеративной природой».

Quoi qu'il en soit de ces diversités de conception, la délimitation du groupe des psychoses paranoïaques apparaît comme concordante dans les trois écoles; M. Claude l'a mis en valeur dans une étude parue dans l'Encéphale en 1925, en opposant par des caractéristiques structurales communes les psychoses paranoïaques aux psychoses paranoïdes. Nous-même, dans un article de vulgarisation, avons donné un groupement unitaire des psychoses paranoïaques réparties sous trois chefs : la prétendue « constitution paranoïaque », le délire d'interprétation, les délires passagers, Claude et Montassut, dans une revue générale parue dans l'Encéphale, insistent avec Peixoto et Morera pour qu'on réserve aux cas correspondants la description de Kracpelin le titre de « paranoïa légitime ».

Как бы ни различались концепции, выделение группы параноидных психозов представляется согласованным в рамках трёх школ. М. Клод подчеркнул это в исследовании, опубликованном в журнале "L'Encéphale" в 1925 году, противопоставляя параноидные психозы с общими структурными характеристиками паранойяльным психозам. Я сам в статье популярного характера представил унифицированную группировку параноидных психозов, разделённых на три категории: так называемая «параноидная конституция», бред интерпретации и страстные бреды. Клод и Монтасют в общем обзоре, опубликованном в "L'Encéphale", вместе с Пейшото и Морера настаивают на

¹⁸ Tanzi ct Lugaro, Traftato delle malattic mentali, 1. 11, p. 740. « Les paras nolaques sont des anachronismes vivanis... » « Latavisme se rcfic_tmon plus nettement dans la parancia que dans l'm_mlmra.h.:é -:rn_&l: _nullfinn.c“t parce que les idées changent d'une façon plus précise et p[us_v:siblc que lfi/- sentiments... »; Riva, o E. nosog. della paranoiaw, Rel, XTT Cum&rum el .llm'.l Srew. ital., 1913; voir Alberti, « La Paranoia suivant les derniers travaux) italiens ». Note Ç revista df Prvebiafia. 1908.

¹⁹ Tanzi et Riva, *Arch. Risitte fresal.*, 1894, vol IX, X, X1 20. Jacques Lacan, « Structure des psychoses paranolaques », *Senr*, Paris, juil, 1931. 21, Peixoto et Morera, *Congrès de Lishonne*, 1906.

том, чтобы для случаев, соответствующих описанию Крепелина, был зарезервирован термин «легитимная паранойя».

Nous indiquerons donc maintenant les traits essentiels 32 de description kraepelinienne.

On ne peut nier en effet l'extrême rigueur nosologique de l'œuvre de Kraepelin, et nous comptons y trouver en quelque sorte le centre de gravité de la notion que l'analyse française, par les rameaux multiples qu'elle a élaborés, a rendue parfois assez divergente.

Kraepelin décrit deux ordres de phénomènes dans la psychose : les troubles élémentaires et le délire.

Теперь мы обозначим основные черты краепелиновского описания. Нельзя отрицать крайнюю нозологическую строгость работ Крепелина, и мы рассчитываем найти в них своего рода центр тяжести той концепции, которую французская аналитическая традиция с её многочисленными ответвлениями иногда делала достаточно разнородной.

Крепелин описывает два порядка феноменов в психозе: элементарные расстройства и бред.

Parmi les premiers, il est d'accord avec Séricux pour noter l'absence ou le caractère tout à fait épisodique des hallucinations, mais il insiste sur la fréquence des « expériences visionnaires » sous la forme onirique ou vigile, et les décrit en ces termes qui les font répondre aux sentiments d'influence, aux « autoreprésentations aperceptives », aux « inspirations », aux intuitions délirantes que nous avons appris à isoler.

Среди первых Крепелин соглашается с Сериё в том, что галлюцинации либо отсутствуют, либо имеют совершенно эпизодический характер, но он подчёркивает частоту «визионерских переживаний», возникающих в форме снов или бодрствующих видений, и описывает их в таких терминах, которые связывают их с ощущениями влияния, «ауторепрезентациями апперцепции», «вдохновениями» и бредовыми интуициями, которые мы научились выделять.

Au tout premier plan, et notre auteur prétend leur rendre ainsi celui dont on les frustrerait, il place les illusions de la mémoire dont il souligne le rôle dans la construction du délire 4,

Puis vient le délire de refaçon, sous lequel il décrit les subversions multiples apportées par le malade dans la signification des gestes, paroles, menus faits, ainsi que des spectacles, formes et symboles, qu'il appréhende dans la vie quotidienne. En d'autres termes, il décrit avec moins de finesse analytique que Sériex et Capgras, mais plus d'objectivité, le symptôme interprétation.

На передний план, и наш автор утверждает, что возвращает им то, чего они были несправедливо лишены, он выдвигает иллюзии памяти, подчёркивая их роль в построении бреда.

Затем следует бред отношений, при котором описываются многочисленные искажения, вносимые больным в значение жестов, слов, мелких событий, а также сцен, форм и символов, которые он воспринимает в повседневной жизни. Иными словами, он описывает симптом интерпретации с меньшей аналитической тонкостью, чем Сериё и Капграс, но с большей объективностью.

Il donne ensuite comme symptôme commun de la psychose les « imaginations morbides ». 11 refuse en effet toute réalité clinique au « délire d'imagination ». Pour lui, la forme symptomatique, décrite sous ce nom par Dupré, ne serait jamais pure.

Pour le délire, il s'élabore selon « deux directions opposées l'une se combine fréquemment l'autre ** ». Ce sont le 4 délire de préjudice dans son sens le plus général et le délire de grandeurs ». Sous le premier chef se groupent le délire de persé- 88, Lebruck, p. 1707-177%: 8y, Viriowgre Erfelwiese, Intéalement : expériences vécues visionnaires. 14, Erimsrange filschongen, littéralement @ falifications de la mémoire

Затем он выделяет как общий симптом психоза «болезненные фантазии». Он отказывается признавать клиническую реальность « бреда воображения ». Для него симптоматическая форма, описанная под этим названием Дюпре, никогда не является чистой.

Что касается бреда, то он развивается в «двух противоположных направлениях, которые часто сочетаются друг с другом». Это «бред ущерба в его самом общем смысле» и «бред величия». К первой категории относятся бред преследования.

cution, de jalousie 2 et d'hypocondrie. Sous le second, les délires des inventeurs, des interpréteurs filiaux, des mystiques, des érotomanes. La liaison est étroite entre toutes ces manifestations; le polymorphisme, fréquent, l'association bipolaire d'un groupe 4 l'autre, ordinaire. Le délire est, dans la règle, systématisé. Il est « élaboré intellectuellement, cohérent en une unité, sans grossières contradictions intérieures » w. Clest, dit Kraepelin, « une véritable caricature égocentrique de sa situation dans les rouages de la vie » que le malade se compose en une manière de « vision du monde ». Enfin, le délire est assimilé à la personnalité intellectuelle, dont il devient une des constantes.

К первой категории относятся бред преследования, ревности и ипохондрии. Ко второй – бред изобретателей, филологических интерпретаторов, мистиков и эротоманов. Связь между всеми этими проявлениями тесная; полиморфизм част и ассоциация между двумя группами встречается нередко. Бред обычно систематизирован. Он «интеллектуально проработан, согласован в единстве, без грубых внутренних противоречий». Это, по словам Крепелина, «настоящая эгоцентрическая карикатура его положения в механизмах жизни», которую больной преобразует в некую «картину мира». Наконец, бред ассимилируется с интеллектуальной личностью больного, становясь одной из её постоянных черт.

Deux autres caractères de l'évolution sont mis en relief ; — P'apparition progressive du délire au cours d'une période de préparation où sa lente invasion se traduit en manifestations voyons figurer près de la psychose carcérale et de la névrose de rente, notre névrose traumatique. — « La distinction, ajoute-t-il pourtant, n'est pas d'une réelle importance, car la paranoïa aussi est de cause psychogène, mais la

différence tient & ce que, dans la paranoïa, les forces qui agissent réellement dans l'élaboration morbide des événements vitaux sont purement endogènes au malade, tandis que, chez les schizophrènes, l'occasion extérieure donne le substrat à l'apparition du tableau morbide » %, décisif pour M-Tus, ajoute-t-il, on doit indiquer l'importance essentielle de la prédisposition dans la détermination de la schizophrénie, ce qui le fait conclure que « toute la différence tient en un certain déplacement des conditions extérieures et intérieures 3 », : tations de doute et en oscillations de la croyance, — sa permanence, 4 tout le moins, pour un certain noyau délirant. Quoique ces traits soient inclus dans la définition, Kraepelin pourtant ne néglige pas de mentionner les faits qu'y oppose la clinique.

Два других аспекта эволюции выделяются особо: — постепенное возникновение бреда в ходе подготовительного периода, когда его медленное проникновение выражается в сомнениях и колебаниях веры, — а также его устойчивость, по крайней мере, в отношении определённого бредового ядра. Хотя эти черты включены в его определение, Крепелин всё же не упускает из виду клинические данные, которые могут ему противоречить.

Крепелин рассматривает паранойю как психоз психогенного происхождения, однако подчеркивает, что в паранойе силы, реально задействованные в патологическом осмыслении жизненных событий, являются сугубо эндогенными для больного, тогда как у других типов «кверулянтов» внешняя причина служит основой для возникновения патологического состояния. Он отмечает решающую роль предрасположенности в формировании кверулянтного поведения и заключает, что «вся разница заключается в определённом смещении внешних и внутренних условий».

*Reste le « délire de schizophrénie » des Allemands, soit notre délire de revendication dans la terminologie de Séverin et Capgras. On sait que Kraepelin, dans son édition de 1915, le détache de **, la paranoïa pour le classer dans les psychoses psychogènes. Néanmoins, lui-même reconnaît les caractères qui le rapprochent de la paranoïa. « La systématisation du délire, son uniformité, son caractère inébranlable, plus encore la limitation du processus morbide à certains cycles de représentation, la conservation durable de la personnalité psychique, l'absence de manifestation d'affaiblissement intellectuel ». C'est la liaison prévalente de ce délire à une occasion extérieure déterminée, à un certain préjudice réel ou prétendu, qui le fait rentrer dans le groupe des psychoses psychogènes, où nous le voyons figurer près de la psychose carcérale et de la névrose de rente, notre névrose traumatique. — La distinction, ajoute-t-il pourtant, n'est pas d'une réelle importance, car la paranoïa aussi est de cause psychogène, mais la différence tient & ce que, dans la paranoïa, les forces qui agissent réellement dans l'élaboration morbide des événements vitaux sont purement endogènes au malade, tandis que, chez les schizophrènes, l'occasion extérieure donne le substrat à l'apparition du tableau morbide » %, décisif pour M-Tus, ajoute-t-il, on doit indiquer l'importance essentielle de la prédisposition dans la détermination de la schizophrénie, ce qui le fait conclure que « toute la différence tient en un certain déplacement des conditions extérieures et intérieures 3 », :*

Остаётся «бред кверулянтства» у немцев, или наш «бред преследования и претензий» в терминологии Серье и Капграса. Известно, что Крепелин в своём издании 1915 года выделил его из паранойи и отнёс к психогенным психозам. Тем не менее, он сам признаёт черты, которые сближают его с паранойей: «Систематизация бреда, его однородность, несокрушимый характер, а также ограничение патологического процесса определёнными

циклами представлений, долговременное сохранение психической личности, отсутствие признаков интеллектуального ослабления».

Преобладающая связь этого бреда с конкретной внешней причиной, с реальным или мнимым ущербом, помещает его в группу психогенных психозов, где его можно увидеть рядом с «тюремным психозом» и «пенсионной неврозой», или нашей травматической неврозой. «Однако, — добавляет он, — различие не имеет решающего значения, поскольку и паранойя также имеет психогенное происхождение, но разница заключается в том, что при паранойе силы, действующие в процессе патологической переработки жизненных событий, являются сугубо эндогенными для больного, тогда как у кверулянтов внешняя причина служит основой для проявления патологической картины». Он подчёркивает важность предрасположенности в формировании кверулянтного поведения и заключает, что «вся разница заключается в определённом смещении внешних и внутренних условий».

On voit donc combien ici la délimitation dépend de la conception même de la maladie et nous nous en tiendrons pmvimm.:f; 4 P'unité entre le délire de revendication et les autres formes de délire paranoïaque, que reconnaissent Séverin et Capgras % eux-mêmes malgré les distinctions essentielles qu'ils ont apportées par leurs travaux entre les deux types de processus. Nous réservons notre position définitive sur le sujet en appendice de notre étude.

Здесь видно, насколько выделение зависит от самой концепции болезни, и мы временно будем придерживаться единства между бредом преследования и другими формами параноидного бреда, которое признают Серий и Капграс, несмотря на важные различия, которые они внесли в свои работы по различию двух типов процессов. Окончательную позицию по этому вопросу мы изложим в приложении к нашему исследованию.

2. Critique de la personnalité psychologique

2. Критика психологической личности

La donnée clinique de l'évolution sans démence, le caractère contingent des facteurs organiques (réduits au reste à des troubles fonctionnels) qui peuvent accompagner la psychose, la difficulté théorique, enfin, d'expliquer ses particularités (le délire partiel) par l'altération d'un mécanisme simple, intellectuel ou affectif, — ces éléments, d'autres encore plus positifs, font que "l'opinion commune des psychiatres, on le sait, attribue la genèse de la maladie à un trouble évolutif de la personnalité. La notion de personnalité est complexe. La psychologie scientifique s'est efforcée de la détacher complètement de ses origines métaphysiques, mais, comme il arrive dans des cas analogues, est parvenue à des définitions assez divergentes. La psychiatrie, elle, doit tenir compte, tout d'abord, de certitudes cliniques globales, plus sûres, mais aussi plus confuses que les définitions analytiques; en outre, elle met en valeur des liens d'une importance capitale entre les divers points de vue de la psychologie. Néanmoins, l'usage qu'elle

fait de la notion n'est pas univoque {l'un auteur i l'autre, ce qui rend troubles les données certaines, 8t permet de bâtir sur les douteuses. C'est pourquoi, avant de passer A l'exposé et 4 la critique des théories exprimées, nous voudrions préciser la valeur psychologique, au sens le plus général, d'un {erme qui, tout chargé des apports, tant de l'observation scienti- fiiue que des croyances communes, et issu i la fois des spécula- Hons de la métaphysique et de l'expérience accumulée en la sagesse des peuples, est extrêmement riche, mais prête 4 toutes sortes de confusions,

Клинический факт эволюции психоза без слабоумия, случайный характер органических факторов (сведенных к функциональным расстройствам), которые могут сопутствовать психозу, и теоретическая сложность объяснения его особенностей (таких как частичный бред) через нарушение простого, интеллектуального или аффективного механизма — все эти и другие, еще более явные аспекты приводят к тому, что общее мнение психиатров связывает происхождение заболевания с эволюционным расстройством личности.

Понятие личности является сложным. Научная психология стремится полностью отделить его от метафизических истоков, но, как часто случается в подобных случаях, приводит к достаточно различающимся определениям. Психиатрия, со своей стороны, должна учитывать, прежде всего, общие клинические данные, которые более надёжны, но также более расплывчаты, чем аналитические определения. Кроме того, она подчеркивает важнейшие связи между различными точками зрения в психологии. Тем не менее, использование этого понятия варьируется от одного автора к другому, что приводит к смешению достоверных данных и созданию теорий на основе сомнительных. Поэтому, прежде чем перейти к изложению и критике существующих теорий, необходимо уточнить значение понятия личности в самом общем смысле, которое вобрало в себя как научные наблюдения, так и общие представления, а также является результатом как философских размышлений, так и накопленного опыта мудрости. Понятие личности, которое обогащено опытом народов, является чрезвычайно богатым, но в то же время подвержено множеству всевозможных путаниц и интерпретаций.

I. La personnalité selon expérience comprane.

La personnalité est d'abord le fair d'ufh: expérience ;;fg'féhulfi: gigue maive. A chacun de nous e]lc_apparmlqcnrn?'!: érant mel de synthise de notre expérience intérieure. Elle n'affirme pas 5eufi; ment notre unité, mais encore elle 1;_ réalise ; €t, pour ce t:urc,h:m harmonise nos tendances, c'est-i-dire les hiérarchise crlr].rt leur action; mais aussi elle choisit entre clles, adoptant Jes unes ct Sff;lz?ermtiufl jant les autres, : est donc complexe. Elle se prés::m::' dabor? sous un mode intellectuel, le plus élevé qui soit, celui du jugement, de l'affirmation eatégorique. Mais ce jugement ne se HPPOEE pas & une réalité effectuée; il se rapporte & une réalité m_:m.fmqr':f k. La personnalité n'est pas seulement un constat; c]fc oriente ['être vers un certain acte furur, compensation ou sacrifice, rmflnfl; ment ou exercice de sa puissance, par lequel il se mnfflmm;;u ce jugement porté sur lui-même. _['}nns.Ilz nestre même m; fli?auru éléments {de synthise et d'intentionnalité} s'écartent 'un de) la personnalité se résout en ilMaginations sur NOuUS-MCmes, €N « idéaux » plus ou moins vains : cet écart, qui c_xi:it:-_muinun d.a;iu une certaine mesure, a été isolé comme une fonction essentic 1; @ 'homme, €t même, pour certaine ph]lnmphu'a' mutT v;;z; La fagon dont la personnalité 5l'a:cc:rnud= d'on e flém'- engendre une série de diversités qui comme telles peuvent 2 la base d'un classement naturel (personnalités vraies

ou fausses, harmoniques ou romantiques %, etc.). Mais, d'autre part, dans la mesure où cet écart se réduit, .. il est le fondement de notre continuité dans le temps : la personnalité est alors la garantie qui assure au-dessus des variations affectives, les constances sentimentales, au-dessus des changements de situation, l'accomplissement des promesses. C'est le fondement de notre responsabilité. C'est dans la mesure où cette fonction de continuité est suffisante, et la pratique montre que nous l'admettons telle dans une mesure très large, qu'on nous confie une responsabilité personnelle et que nous en attribuons une égale à autrui. La notion de responsabilité joue probablement un rôle primordial dans le fait que nous reconnaissons l'existence de la personnalité chez les autres². Symétrise, intentionnalité, responsabilité, tels sont les trois attributs que reconnaît la personnalité la croyance commune.

I. Личность в свете опыта

Личность, прежде всего, является результатом непосредственного наивного опыта. Для каждого из нас она представляется центром синтеза нашего внутреннего опыта. Она не только утверждает нашу целостность, но и реализует её; для этого она гармонизирует наши тенденции, то есть упорядочивает их действия по иерархии. Более того, она делает выбор между ними, принимая одни и отвергая другие, что делает её сложной структурой.

Личность проявляется прежде всего на интеллектуальном уровне, в самой высокой форме, как суждение, категорическое утверждение. Однако это суждение не направлено на уже состоявшуюся реальность; оно относится к реальности, которая формируется. Личность не просто фиксирует факты; она направляет существо к определённому будущему действию — будь то компенсация или жертва, расширение или проявление своих возможностей — через которое она воплощает это суждение о себе.

Когда эти элементы (синтез и намеренность) расходятся, личность превращается в образы самих себя и «идеалы», которые в большей или меньшей степени могут быть бесплодными. Это расхождение, которое всегда существует в некоторой мере, было выделено как важнейшая функция человека и даже в некоторых философских учениях возведено в высшую категорию.

Способ, которым личность справляется с этим расхождением, порождает множество разнообразий, которые могут стать основой для естественной классификации (настоящие или ложные, гармоничные или романтические личности и т. д.). С другой стороны, в той мере, в какой это расхождение сокращается, оно становится основой нашей временной непрерывности. Личность в этом случае — это гарантия, которая обеспечивает единство над изменениями... аффективных переживаний, эмоциональной стабильности, превыше изменений ситуации, выполнения обещаний. Это является основой нашей ответственности. Именно в той мере, в какой эта функция непрерывности достаточна (а практика показывает, что мы принимаем её в весьма широком смысле), нам доверяется личная ответственность, и мы в равной степени признаём ответственность за других.

Понятие ответственности, вероятно, играет ключевую роль в том, что мы признаем существование личности у других. Синтез, намеренность и ответственность — это три атрибута, которые, согласно общепринятым представлениям, составляют личность.

a) LA PERSONNALITE DANS LA METAPHYSIQUE TRADITIONNELLE,

C'est de cette première expérience que sont issues les conceptions des métaphysiciens traditionnels et des mystiques. On sait que ceux-ci donnent à la personnalité une existence substantielle, et opposent à l'individu, simple collection des tendances et des caractères propres à tout être vivant donné, la personne, dignité que seul l'homme possède, et dont les trois Caractères d'unité substantielle —, de porteur dans le psychisme d'une entité universelle, vaic aristotélicien[®], raison ou mofurs pour les stol3. Nous ne pouvons aborder ici le rôle, dans la formation de la notion de personne, des conceptions du droit. Il semble que l'ait été un des premiers sens définis du terme que celui de personne juridique. Observons qu'une notion génctique comme celle-ci, ou d'autres encore voisines, ne résolvent le problème phénoménologique initial de la pluralité des personnes, qui Memble nécessaire & la constitution même de la notion de persanne — ni celui, M important pour la compréhension des passions, du lien constant de l'amour #i de la haine avec un objectif personnel, €7 Max Scheler, Marare of Formaes de i8 sympathis, Payot, tead, Lefebvre, ob lon volr la situation réciproque des ilifférentes fonctions d'identification affective, et enfin d'amour, de la personne. 4 O connaît la définition restée classique durant tout le Moyen Age : R Firsoma proprie dicitur naturae rationalis individua tsbstantis. s Elle est extraite e Botee, De dvabir maturis ct uras perrowa Clhrighti, chap, n, o Differentia nature M personxe s (Migne, Patred, fat, r. LXIIV). f- On sait qu'un caractbre extrêmement remarquable de la psychologie W' Arlstote est que 'dme n'y est pas séparée du corps dont elle est la Sorme. Pisurtant, le premier rôle dans Tacte suprême, celui de la raison, est joué par le W, sctif, lequel et dic yepoorde, c'est-à-dire séparé ou inséparable (selon les Binmentateurs, voir Ross, Arirtore, Pavot, P 124). C'est une entité évidemment

a) ЛИЧНОСТЬ В ТРАДИЦИОННОЙ МЕТАФИЗИКЕ

Из этого первичного опыта возникают концепции традиционных метафизиков и мистиков. Известно, что они придают личности субстанциальное существование и противопоставляют её индивиду, который является простой совокупностью тенденций и характеров, присущих каждому живому существу. Личность, по их мнению, обладает достоинством, присущим только человеку, и её отличительными чертами являются субстанциальное единство и роль носителя в психике универсальной сущности — будь то разум у аристотеликов или нравы у стоиков.

Мы не можем здесь подробно рассматривать роль, которую правовые концепции сыграли в формировании понятия личности. Кажется, что одним из первых определённых значений термина была именно юридическая личность. Стоит отметить, что такие генетические концепции, как эта, или близкие к ней, не решают феноменологической проблемы множественности личностей, которая кажется необходимой для формирования самой концепции личности, — а также вопроса, столь важного для понимания страстей, о постоянной связи любви и ненависти с личной целью.

Макс Шелер, в своей работе «Природа и формы симпатии», рассматривает взаимное положение различных функций аффективной идентификации, а также любви к личности. Мы знаем классическое определение, которое оставалось неизменным на протяжении всего Средневековья: «Личность есть индивидуальная субстанция разумной природы». Это определение извлечено из трудов Боэция, «О двух природах и одной личности Христа». Интересно, что в психологии Аристотеля душа не отделена от тела, чьей формой она является. Однако в высшем акте разума ведущая роль принадлежит "активному интеллекту", который может быть либо отделённым, либо неразделимым (в зависимости от толкователей).

²⁰ 3. Nous ne pouvons aborder ici le rôle, dans la formation de la notion de personne, des conceptions du droit. Il semble que g'ait été un des premiers sens définis du terme que celui de personne juridique. Observons qu'une notion génétique comme celle-ci, ou d'autres encore voisines, ne résolvent pas le problème phénoménologique initial de la pluralité des personnes, qui est membre nécessaire & la constitution même de la notion de personne — ni celui, si important pour la compréhension des passions, du lien constant de l'amour & de la haine avec un objectif personnel, cf. Max Scheler, *Maximalismus der sympathie*, Payot, trad. Lefebvre, où l'on voit la situation réciproque des différentes fonctions d'identification affective, et enfin d'amour, de la personne. On connaît la définition restée classique durant tout le Moyen Âge : *Res personae proprie dicitur naturae rationalis individua substantia*. Elle est extraite de Boèce, *De duobus modis utitur perrowa* Clhricht, chap. n, où *Differentia nature personae* (Migne, Patrologia, t. 1, r. LXIIV). On sait qu'un caractère extrêmement remarquable de la psychologie d'Aristote est que l'âme n'y est pas séparée du corps dont elle est la forme. Pisurtenant, le premier rôle dans l'acte suprême, celui de la raison, est joué par le *Logos*, lequel, et dit Boèce, c'est-à-dire séparé ou inséparable (selon les commentateurs, voir Ross, *Aristotele*, Pavot, p. 124). C'est une entité évidemment

3. Мы не можем здесь подробно рассматривать роль правовых концепций в формировании понятия личности. Кажется, что одно из первых значений этого термина связано с юридической личностью. Заметим, что такая генетическая концепция, как и другие близкие, не решает изначальную феноменологическую проблему множественности личностей, которая необходима для самой структуры понятия личности, и не решает важный для понимания страстей вопрос о постоянной связи любви и ненависти с личной целью.

Макс Шелер, в своей работе «Природа и формы симпатии», исследует взаимное положение различных функций аффективной идентификации, а также любовь к личности. Известно классическое определение, оставшееся непреложным на протяжении всего Средневековья: «Личность — это индивидуальная субстанция разумной природы». Это определение происходит от Боэция, из его трактата «О двух природах и одной личности Христа».

Важно отметить, что в психологии Аристотеля душа не отделена от тела, будучи его формой. Однако в высшем акте разума ведущая роль отводится «активному интеллекту», который может быть либо отделённым, либо неразделимым, в зависимости от интерпретации комментаторов.

смысл, душа, подчиненная божественному порядку, категорический императив и т. д., — и д'арбитра морал, reflètent exactement les trois propriétés que nous a révélées le recours à l'expérience commune de l'autonomie personnelle. Nous ne pouvons nous étendre sur les développements de la métaphysique traditionnelle²⁰. Leur exposé sort de notre sujet, et nous ne l'aurions même pas abordé, si le seul fait qu'un tel développement ait existé, et que ses caractères soient tellement calqués sur les données immédiates de notre conscience, n'était

научное осмысление, душа, подчиненная божественному порядку, категорический императив и т. д., а также роль морального арбитра точно отражают три свойства, выявленные через обращение к опыту автономии личности. Мы не можем здесь подробно рассматривать развитие традиционной метафизики, поскольку их изложение выходит за рамки нашей темы. Мы упомянули их лишь потому, что сам факт существования такого развития, с чертами, которые столь явно основаны на данных нашего непосредственного сознания, имеет важное значение.

supra-individuelle, propre & personnelle, éternellement préexistante (D. Amis, s. 20-21) et dont l'action sur « l'individu passif » est certainement le corrélat de la réalité personnelle. Elle ne donne d'ailleurs & celle-ci, avec un Dieu (qui chez Aristote n'a rien de commun avec une Providence ni avec un créateur), aucune de ces relations & personnelles » qui sont devenues depuis le christianisme le point critique de toute théodicée, Un point remarquable d'une théorie de la personnalité qu'on extrairait d'Aristote est le caractère refait de sa morale. 6. Indiquons seulement que le fond de la doctrine stoïcienne n'est qu'une morale de la personnalité, 3 quoi tendent toute sa cosmologie et son anthropologie. On sait la place qu'y tient le *Logos*, joué par l'homme ici-bas, et l'importance du terme *persona*, *phronesis* (voir Muansel & Epictète, 17 et Marc-Aurèle, *Paradoxe*). Quant à l'éthologie classique de personnes | masque, instrument où sonne la voix de l'acteur, nous savons qu'elle est discutée par les linguistes; l'important pour nous est l'intention significative d'une telle étymologie. 7. C'est ainsi que, pour saint Thomas, la personne est ordonnée directement à Dieu comme & sa fin ultime (Sum. Theol., 1, 11, 2, 8, Summa contra Gentiles, 111, 4B, in Palis. Arise lib., 5, c. 9, lec. 7. Laloide la cité elle-même doit respecter cette subordination essentielle (Sum. Theol. 11, 11, 83, 6, in Sebic, Nirom. I, lec. 1) Pourtant la peine de mort est légitimée parce que le coupable, déchoyant de la raison déchoit de sa dignité de personne humaine, point théorique significatif « *Efficitur quodammodo hominem in sua dignitate manifeste privare dicitur secundum re famen basiveness peccatoress scidere potest eiret bonus, sicut ovidere bismam : peior enim est malus hominibus, quam bestia, et plus macet w, 1* » s'appuie sur Aristote (ad. 3, q. 64, 0z, l. n. JLne) B. Kant, *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*, 2e section, par § 4 et 96-99. Notons : au passage le caractère indifférencié de la personnalité pour Kant (cf. critique de Simmel), qui fait l'insuffisance de sa psychologie, 9. Nous pensons pourtant, par les allusions que nous avons faites & 08 développement, avoir fait œuvre utile, et non seulement pour chronoscrire la notion, mais pour la situer en quelque sorte dans sa véritable ambiance intellectuelle. Rien dans ces spéculations n'est en effet sans attache avec réel, ceci d'autant plus que le développement historique qu'elles reflètent n'est pas sans avoir laissé quelques traces dans ce plan le plus élevé de la nature humaine.

В надличностной природе, свойственной виду, вечно предсуществующей (как обсуждается, например, в «De anima»), действие на «пассивный интеллект» является сердцем личной реальности. Она не обеспечивает никакой личной связи с Богом (который у Аристотеля не имеет ничего общего с Провидением или Творцом) и не предполагает тех «личных» отношений, которые с приходом христианства стали критической точкой всей теодицеи. Одной из интересных черт теории личности, которую можно вывести из Аристотеля, является относительный характер его морали.

Стоит также отметить, что основа стоической доктрины представляет собой мораль личности, к которой стремится вся их космология и антропология. Известно, какое важное место в этом занимает роль, отведённая человеку в мире, и значение термина «персона», «прозопон» (см. Мануэль и Эпиктет, а также Марка Аврелия, «Размышления»). Классическая этимология

Практическая философия, включая прагматизм, сегодня уделяет личности важное место, что видно, например, из теорий веры.

Cette croyance commune est le Fruit d'une expérience naive qui se formule en une pensée spontanée. Une différenciation claire ne s'y laisse pas encore voir de ce qui est subjectivement éprouvé et de ce qui peut être objectivement constaté, C'est à ces deux sources de connaissance que nous allons maintenant recourir pour y chercher, pour la conception de la personnalité, de plus fermes JFFUJS.

II. Analyse introspective de la personnalité.

A vrai dire, l'introspection disciplinée ne nous donne que des perspectives bien décevantes. A la prétendue synthèse de la personnalité, elle répond par ces surprises et ces déceptions que nous apportent sans cesse nos pensées et nos actes par "intervention, imprévue ou habituelle, de forces intérieures, pour nous parfois tout & fait nouvelles, d'autres fois trop connues. Les forces sont le plus souvent de nature affective, et leur conflit avec notre personnalité organisée nous mène à les désapprouver, quelle que soit par ailleurs leur valeur réelle, nuisible & nous, aux autres, ou sujette à doute, ou même bienfaisante. L'introspection ne nous donne rien de plus sûr sur la fonction intentionnelle (régulatrice ou volontaire) de la personnalité, N'est-ce pas avant tout sur son échec constant qu'elle nous informe? Du moins, ne pourrions-nous insérer cet échec dans l'écart constant du moi réel à l'idéal qui l'oriente? Accorderons-nous à cet idéal une certaine marge de dégradations possibles : il ne sera plus qu'une simple croyance; cette croyance elle-même sera plus ou moins cohérente avec l'ensemble de croyances du sujet? Mais, alors, cet idéal va s'évanouir dans la simple imagination de soi-même, la plus fugitive, la plus dépourvue d'adhésions intérieure. Cet idéal est-il au contraire plus solide? C'est alors le heurt de la réalité qui va le briser. Cette réalité, pour le combattre, pourra ne revêtir qu'un masque intellectuel : ce sera un nouvel idéal du moi qui tirera sa force d'une nouvelle humeur, ou d'une nouvelle motivation affective. Mais aussi ces contradictions pourront être d'une valeur intellectuelle authentique, c'est-à-dire

Эта общепринятая вера является плодом наивного опыта, формирующегося в спонтанной мысли. Ещё не существует четкой дифференциации между тем, что субъективно переживается, и тем, что может быть объективно зафиксировано. Именно к этим двум источникам знания мы теперь обратимся, чтобы найти более устойчивые основы для концепции личности.

II. Интроспективный анализ личности

Честно говоря, дисциплинированная интроспекция даёт нам только разочаровывающие перспективы. Претенциозному синтезу личности она отвечает теми неожиданностями и разочарованиями, которые приносят наши мысли и действия из-за вмешательства внутренних сил — будь то неожиданные или привычные проявления. Эти силы чаще всего носят аффективный характер, и их конфликт с нашей организованной личностью приводит нас к их осуждению, вне зависимости от их реальной ценности, будь то вред для нас самих, для других, спорная или даже благотворная сила.

Интроспекция не даёт нам ничего более определённого относительно намеренной (регулятивной или волевой) функции личности. Разве она не информирует нас прежде всего о её постоянных неудачах? Можно ли вставить эти неудачи в постоянное расхождение между реальным «Я» и идеалом, который его направляет? Если мы предоставим этому идеалу определённую степень возможных ухудшений, он станет лишь простой верой; эта вера сама по себе будет более или менее согласована с совокупностью убеждений субъекта.

Но если этот идеал неустойчив, он может раствориться в простом представлении о себе, самом мимолетном и лишенном внутренней привязанности. Если же этот идеал окажется более устойчивым, реальность может его разрушить. Эта реальность, чтобы бороться с ним, может надеть лишь интеллектуальную маску: это станет новым идеалом зла, черпающим свою силу из нового настроения или новой аффективной мотивации. Однако эти противоречия могут иметь подлинную интеллектуальную ценность, то есть...

expriment correctement la réalité objective : ainsi, quand la réflexion méthodique sur les révélations affectives que le sujet éprouve quand une observation scientifique du réel ou même la dialectique interne aux idées viennent ébranler, avec l'ensemble des croyances l'image que se fait d'elle-même la personnalité. : Dès lors, ne nous appaît-il pas que se produisent plutôt des tentatives de synthèse, susceptibles d'échecs et de renouvellement, et plutôt qu'une personnalité, une succession de personnalités? Ne sont-ce pas là ces transformations mêmes que nous voyons selon les cas : enrichissement ou abandon de nous-mêmes, progrès ou conversion? Que subsiste-t-il ici de notre continuité? Après certaines de ces crises nous ne nous sentons plus responsables ni de nos désirs actuels, ni de nos projets passés, ni de nos rêves, ni même de nos actes. Le jeu est trop facile, pour la critique psychologique, sur ces nouvelles données de l'introspection, de concevoir la personne comme le lien toujours prêt à se rompre, et d'ailleurs arbitraire d'une succession d'états de conscience, et d'y appuyer sa thèse : détermination théorique d'un moi purement conventionnel.

такие трансформации приводят не к статической «личности», а к череде сменяющихся личностей? Не из-за этих изменений ли мы в некоторых случаях обретаем новое богатство или, наоборот, теряем часть себя, проходим через прогресс или даже полную трансформацию? Где в этом остается наша непрерывность? После определенных кризисов мы больше не чувствуем ответственности за свои прежние желания, прошлые планы, мечты и даже поступки.

Для психологической критики слишком легко использовать новые данные интроспекции, чтобы представить личность как связь, всегда готовую разорваться, и к тому же произвольную, из последовательности состояний сознания, и на этом основании строить теоретическое рассмотрение «Я» как чисто условного феномена.

III Analyse objective de la personnalité,

C'est ici que doit intervenir le point de vue objectif qui redonne son poids véritable à la notion qui paraît s'évanouir. Il constate d'abord le développement de la personne. La personnalité, qui se perd mystérieusement dans la nuit du premier âge, s'affirme dans l'enfance selon un mode de désirs, de besoins, de croyances. Qui est propre et a été comme tel étudié. Elle bouillonne dans les rêves et les espoirs démesurés de l'adolescence, dans sa fermentation intellectuelle, dans son besoin d'absorption totale du monde sous les modes du jouir, du dominer et du comprendre; elle se tend chez l'homme vers une application de ses facultés à la réalité, un ajustement imposé aux efforts, dans une adaptation.

Здесь в игру вступает объективная точка зрения, которая возвращает подлинный вес понятию личности, которое, казалось бы, растворяется. Прежде всего, она констатирует развитие личности. Личность, теряющаяся в тайне раннего возраста, начинает проявляться в детстве в форме желаний, потребностей и верований, которые свойственны только этому этапу и были подробно изучены. Она бурлит в мечтах и чрезмерных надеждах подросткового возраста, в его интеллектуальных поисках и стремлении полностью поглотить мир через наслаждение, господство и понимание. У зрелого человека личность проявляется в стремлении к применению своих способностей в реальной жизни, к усилиям и адаптации к окружающим условиям.

efficace à l'égard de l'objet, elle peut s'achever au plus haut dans la création de l'objet et l'acte de soi-même. Chez le vieillard enfin, dans la mesure où jusque-là elle a su se maintenir dans des structures fonctionnelles; elle s'exprime en une sécurité sereine, qui domine l'involution et le progrès, les événements, qui sont les chocs et les objections de la réalité (de la réalité affective et de la réalité objective) ont une influence déterminante. Mais c'est une loi générale : l'ordre du développement, c'est-à-dire que les structures réactionnelles typiques et que celles-ci ont une fonction fixe, commune à la normale des hommes. Elles engendrent les attitudes, qui modèlent le sens dans lequel ces attitudes sont vécues; cependant qu'elles reçoivent d'eux des influences progressives ou régressives. Ces structures et leur évolution forment le fond régulier des évolutions atypiques et des crises rigues. Mais il y a donc ici une loi évolutive, en place d'une psychologie. : , à l'issue de laquelle on retrouve jusqu'à un certain point sous une forme objective. En effet, ces états successifs la personnalité ne sont pas séparés par des ruptures et des lacunes; mais leur évolution, et les passages de l'un dans l'autre, » pour nous observateurs, compréhensibles. Même si chez autrui nous n'allons pas jusqu'à y participer affectivement (au sens figuré), ils ont pour nous un sens (versé), sans que nous ayons besoin d'y découvrir la loi de succession

[causale : qui i nous est nécessaire pour expliquer (erk/dren) les phénomènes de la nature physiques Ce sens sc tapporte, par exemple, 4 l'fi_n:mrd de telle ::1 ; sentimentale avec tel contenu rcprifsc:ui::t" { :Ec la tnfit;:: d:: l'idée de la perte d'an être aimé) —, i 1151391:\;?11 i un u,c; & série d'actions —, 4 la ;flmp:n:atml: idéo-affective g rtaine contrainte des tendances. 2 . un(::cc:cns est peut-rre aussi peu fondé que lfngfcfp;'ftatu:bk gène (participationniste) que donne le primitif i :r:::fim i phénomènes naturels. Mais il est fi?urément la com & des sentiments et des actes humains. _ i 14. Cf sur la notion d'attitude mentale : F. Paulhan, « L'Attitude mentale

эффективного обращения к объекту, она может достигать наивысшего выражения в творении объекта и самопожертвовании. У пожилого человека, в той мере, в которой он смог сохранить свои структурные функции, личность выражается в спокойной уверенности, которая преодолевает инволюцию. События, которые являются потрясениями и возражениями реальности (как эмоциональной, так и объективной), оказывают определяющее влияние. Однако это внутренний порядок: прогресс — это развитие, основанное на типичных реактивных структурах, которые имеют фиксированную последовательность, общую для большинства людей. Они порождают «установки», которые формируют восприятие жизненных событий, в то время как они сами подвергаются прогрессивным или регрессивным изменениям. Эти структуры и их изменения составляют основу для атипичных эволюций и критических моментов.

Мы обнаруживаем здесь эволюционный закон вместо чисто психологического синтеза. Структура личности сохраняется до определённой степени под объективной формой. Эти последовательные состояния личности не разделены чистыми разрывами, но их развитие и переходы могут быть понятны наблюдателю. Даже если мы не участвуем в них эмоционально (как это бывает при сочувствии), они имеют для нас смысл, без необходимости обнаруживать причинно-следственный закон, который мы применяем к физическим явлениям природы. Этот смысл, например, связан с интенсивностью переживания какого-либо чувства (например, идея потери любимого человека), с импульсом к действию, с определённой идео-аффективной структурой или с сдерживанием тенденций.

Такое объяснение может быть столь же необоснованным, как и наивное участие первобытного человека в природных явлениях. Однако оно, безусловно, является основой для понимания чувств и поступков человека.

Ces relations de compréhensionTM ont une valeur objective certaine sans la nouvelle conception du trouble mental qu'elles permettent, n'aurait pu être dégagée cette réalité clinique, la schizophrénie. Ce sont ces relations, en effet, qui permettent de retrouver un ordre fragmentaire dans les réactions émotionnelles, les représentations, les actes et le symbolisme expressif, qu'on rencontre au cours de cette affection et de mettre en valeur, par là, sa caractéristique majeure : la discordance. Les données objectives rendent donc la personnalité une certaine unité, celle d'un développement régulier et compréhensible.

*Que devient son intentionnalité? Assurément, d'aucune « donanée immédiate » on ne peut déduire l'existence objective de l'acte volontaire et de l'acte de liberté morale. De plus, des qu'il s'agit de connaissance scientifique, le déterminisme est une condition a priori et rend une telle existence contradictoire avec son étude. Mais il reste à expliquer l'existence Plénonénologique de ces fonctions intentionnelles : 4 savoir, par exemple, que le sujet dise « je, croie agir, promette et affirme. L'acte volontaire peut assurément être défini par un enchaînement causal plus complexe que celui de l'acte réflexe . La croyance peut être décrite comme un sentiment lié & des dispositions émotionnelles et actives 17 de structure acquise et élevée, L'image idéale du moi qui fait partie de notre expérience intérieure est réductible à des complexes affectifs qui tiennent à l'ontogénèse & du psychisme (sinon à sa phylogénèse). Ceci explique qu'elle puisse être l'un des pôles d'une tension intérieure au moi &, et cette tension semble liée & certaines déterminations du phénomène lui-même de la conscience *. Ces phénomènes intentionnels se révèlent donc avant tout comme une organisation de réactions psycho-vitales. Ils sont les fruits d'une éducation ou se traduit tout le développement personnel. D'autre part, ces phénomènes tombent bien plus immédiatement sous les relations de compréhension que les réactions élémentaires qu'il nous faut dégager d'eux par l'analyse. Ils se révèlent ainsi conformes & la première définition que nous 2 livrons dans notre essai d'objectivation de la personnalité. Mais ces fonctions intentionnelles affirment, de par leur nature même, leurs contenus comme des objets : c'est ainsi que s'exprimaient spontanément ces croyances mêmes sur la personnalité d'un autre. Notre analyse est partielle. Nous avons dissous ces croyances pour, à la fin, retrouver & ces fonctions des propriétés objectives. Ce progrès est de nature dialectique et donc relève des problèmes généraux de la connaissance. Le*

fondement en est la fonction Mentificatrice de 'esprit ¥ et c'est li un ordre d'étude qui sort de notre sujet £, Nous voulons seulement noter que les progrès de la personnalité elle-même peuvent être conditionnés par le progrès dialectique de la pensée : comme cela se produit, par exemple, par la voie de la réflexion chez 'homme adulte et médiant. Disons donc que ce caractère de progressivité dialectique (au moins virtuel) doit être exigible des formes achevées de la personnalité. Pour la notion de responsabilité personnelle, ne paraît-elle pass se dissoudre dans cette analyse? Ou garde-t-elle quelque contenu objectif? Revenons à l'expérience; cherchons-la dans les usages communs du langage. Qu'entend-on d'un individu mentif? dit-on, « a une personnalité »? Cette formule ne signifie-t-elle pas avant tout l'autonomie de la conduite, quant aux influences accidentelles, et en même temps sa valeur exemplaire c'est-à-dire sa moralité? Cette indication du langage se fonde dans la réalité. En effet, à chaque jugement et la partie la plus précieuse de l'homme que d'apprendre à tenir ses promesses qu'ils formulent, ils ont pour eux-mêmes? Ils ont donc des intentions différentes souvent des premières, sont la réalité même; qu'un il exercé reconnaît, et à laquelle tout un chacun rend hommage en se targuant de la reconnaître. Mais sous ce crédit moral, cette valeur représentative que nous accordons à l'individu, il y a bien une garantie et, pour nous une valeur morale. Nous la sentons plus que nous ne la percevons même autrui, sous forme de ces résistances « morales » qui, en imposant des limites aux influences du réel. Nous sommes donc en face de ces résistances sous une forme ambivalente -smiles: nous nous assurons contre l'émotion qui nous saisit ou, à l'inverse, nous nous pressons, soit qu'elles s'opposent à ce que nous nous cumons : nous nous tel idéal, à ce que nous nous soumettons à telle discipline; qu'ils puissent paraître. Les choses de la personnalité, sources de conversions et de crises, elles sont par ailleurs la base d'une synthèse plus solide. C'est pourquoi Nos actes nous appartiennent et nous « suivent ». À l'égard de ces actes, on nous tient légitimement pour responsable parce que cette apparente autonomie de l'individu est seulement relative: au groupe, soit qu'elle s'appuie clairement sur le jugement qu'ont ou auront les autres de nous, soit qu'elle repose sur le mode de pensée prélogique de la participation même, qui a les origines de la race et qui, restant inscrit dans les affects de ces résistances morales, y conserve la trace d'intérêts propres.

Эти отношения понимания имеют определенную объективную ценность, без которой новая концепция психического расстройства, такая как шизофрения, не могла бы быть выделена как клиническая реальность. Именно такие отношения позволяют выявить фрагментарный порядок в эмоциональных реакциях, представлениях, действиях и символическом выражении, которые наблюдаются в ходе этого расстройства, и подчеркнуть его главную характеристику — дисгармонию.

Объективные данные, таким образом, возвращают личности определенное единство, выраженное в закономерном и понятном развитии.

Что происходит с её намеренностью? Безусловно, ни из одного «непосредственного дано» нельзя вывести объективное существование акта воли и моральной свободы. Более того, в области научного познания детерминизм является априорным условием, что делает такое существование противоречивым для его изучения. Но всё же остаётся необходимость объяснить феноменологическое существование этих намеренных функций: чтобы понять, например, как субъект утверждает «Я», считает себя действующим, обещающим и утверждающим.

Волевое действие может быть определено через более сложную причинную цепочку, чем рефлекторное действие. Вера может быть описана как чувство, связанное с эмоциональными и активными установками, приобретенными и развитыми структурно. Идеальный образ «Я», который является частью нашего внутреннего опыта, может быть сведен к аффективным комплексам, связанным с онтогенезом психики (если не с её филогенезом). Это объясняет, быть одним из полюсов внутреннего напряжения в «Я», и это напряжение кажется связанным с определенными аспектами самого феномена сознания.

Эти намеренные феномены проявляются прежде всего как организация психо-витаальных реакций. Они являются результатом воспитания и отражают весь процесс личностного развития. Кроме того, эти феномены гораздо лучше поддаются пониманию через отношения осознания, чем элементарные реакции, которые нужно выделить посредством анализа. Таким образом, они соответствуют первой дефиниции, предложенной нашим подходом к объективизации личности.

Однако эти намеренные функции, по своей природе, утверждают свои содержания как объекты. Именно так спонтанно выражались те же самые убеждения о личности, которые подвергались

нашему анализу. Мы разрушили эти убеждения, чтобы, в конечном итоге, вернуть этим функциям объективные свойства.

Этот прогресс носит диалектический характер и, следовательно, связан с общими проблемами познания. Его основа лежит в идентификационной функции разума, что уже относится к области изучения, выходящей за рамки нашей темы. Мы хотим лишь отметить, что развитие самой личности может быть обусловлено диалектическим развитием мысли, например, через размышления взрослого человека. Следовательно, можно утверждать, что характер диалектической прогрессивности (по крайней мере, потенциальной) должен быть присущ завершенным формам личности.

Что касается понятия личной ответственности, оно... растворяется в таком анализе? Или сохраняет объективное содержание? Вернемся к опыту и поищем его в повседневных действиях и языке. Что подразумевается, когда говорят, что у человека «есть личность»? Разве это выражение не означает прежде всего автономию поведения по отношению к случайным влияниям, а также его образцовую ценность и мужество?

Эта языковая интуиция имеет реальное основание, подтверждаемое каждый день в наших взаимодействиях, где самая ценная часть человечности выражается в различении между обещаниями, которые мы даем, и их выполнением, нередко разным от первого намерения. Это реальность, которую опытный наблюдатель распознает и которой все отдают должное, утверждая, что ее признают.

Но за этим моральным авторитетом, который мы признаем за индивидом, действительно есть определенная гарантия и ценность. Мы чувствуем её больше, чем воспринимаем у других, в виде тех «моральных сопротивлений», которые ограничивают влияние реальности. Эти сопротивления могут выступать в амбивалентной форме: они могут защитить нас от эмоций, захватывающих нас, или от давления реальности; либо, напротив, они могут препятствовать тому, чтобы мы привязывались к какому-то идеалу или подчинялись определенной дисциплине, какими бы нормальными они ни казались. Будучи камнями преткновения для личности, источниками преобразований и кризисов, эти сопротивления также являются основой более устойчивого синтеза.

Именно поэтому наши действия принадлежат нам и «следуют» за нами. Нас могут законно считать ответственными за эти действия, поскольку эта кажущаяся автономия индивида, по сути, относительна к группе: она либо опирается на суждение других о нас, либо коренится в предлогическом способе мышления о соучастии, который поддерживает и сохраняет следы коллективных интересов, происходящих из истоков человеческой расы, оставаясь зафиксированным в эмоциональных структурах этих моральных сопротивлений.

."f—itt genése sociale de la personnalité explique le caractère de haute tension que prennent, dans le dfi:r:lupp:n_ '-m)t personnel, les rapports humains® et les situations vitales qui s'y rattachent. Elle donne très probablement la clef de la véritable nature des Jations de comprehension, : , f§ Tel nous semble l'ordre dans lequel s'impose 4 toute crtudc psycho-clinique la réalité de la pusunn:}uf. Aucune théorie ne sera suffisante, qui négligera ou préférera 'une de ses structures objectives

Социальное происхождение личности объясняет высокий уровень напряжения, который принимают человеческие отношения и жизненные ситуации в процессе личностного развития. Это, вероятно, дает ключ к истинной природе отношений понимания.

Таков, по нашему мнению, порядок, в котором реальность личности предстает перед любым психо-клиническим исследованием. Ни одна теория не будет достаточной, если она будет пренебрегать или отдавать предпочтение одной из ее объективных структур.

IV. Définition objective des phénamines de la persomnalité.

Toute manifestation humaine, pour que nous la rapportions à la personnalité, devra donc impliquer : i S, I F:m développement biographique, que nous fiefimimns 0.?:...“ vement par une évolution typique et les relations de compré mfn qui &'y lisent. — 11 se traduit pour le sujet par les modes affectifs lesquels il wvit son histoire (Eriebmis); 3 il m:s unrfi conception de sei-même, que nous dfi'?mss-: _ms ul:: | çcuvement par des attitudes vitales et le progrès diglectique qu or: ¥ peut déceler. — Elle se traduit pour le sujet par les images g.zlus ou moins « idéales » de lui-même qu'il amène & la conscience; 3. une certaine fension des relations sociales, que nous définissons objectivement par l'autonomie pragmatique de la fl::lll;dl.llt: ctd liens de participation éthigne qui s'y reconnaissent. — Elle se tra

IV. Объективное определение феноменов личности

Любая человеческая манифестация, чтобы быть отнесенной к личности, должна включать:

1. Биографическое развитие, которое мы определяем объективно как типичную эволюцию и отношения понимания, связанные с ней. Это проявляется для субъекта через аффективные способы, которыми он переживает свою историю (Erlebnisse).
2. Самовосприятие, которое мы объективно определяем через жизненные установки и диалектический прогресс, который можно обнаружить. Для субъекта это выражается через более или менее «идеализированные» образы себя, которые он осознает.
3. Определенное напряжение в социальных отношениях**, которое мы объективно определяем через прагматическую автономию поведения и связанные с этим социальные связи участия.

perromnalité, Maloine) oi se démontre le rîle, dans la g individuelles dites « doubles » et de la pensée intéricure en général, des nécessi=3 tés primitives de la division du travail social : E:l:mma.ndn?mtnt et :m&d:h:fl par exemple, etc. Nous n'en avons dailleurs pris connaissance que dep
Pélaboration de cet exposé. 2\$, Nous avons signalé plus haut l'existence d.: problèmes phé;mr:::_migr gigques très importants qui unissent la personnalité au problème de mour

Личность демонстрирует свою роль в индивидуальных феноменах, таких как «двойственность» личности и внутренняя мысль в целом, которые связаны с примитивными потребностями разделения труда в обществе, например, в командовании и подчинении. Мы познакомились с этим только во время подготовки данного изложения.

Мы также ранее упомянули существование очень важных феноменологических проблем, которые связывают личность с вопросом смерти.

pour le sujet par la valear représentative dont il se sent affecté vis-d-vis d'autrui #,

V. Position de notre définition par rapport asee écoles de la Poyehologie seientifique.

Mettons en relief que notre définition par un tel ensemble de fonctions ne se confond pas avec les définitions usitées dans diverses ccoles de la psychologie scientifique. La nbtre ne se fonde en effet : 4 — ni sur le sentiment de la synthèse personnelle, tel qu'on le voit perturbé dans les troubles subjectifs de dépersonnalisation, sentiment qui relève de mécanismes psycho-organiques plus étroits 7, — ni sur Punité psychologique que donne la comscience indivi- duelle, unité que débordent et de beaucoup les mécanismes de la personnalité 2,

Для субъекта это выражается в представительной ценности, которой он наделен по отношению к другим.

V. Позиция нашего определения в отношении школ научной психологии

Следует подчеркнуть, что наше определение через такой набор функций не совпадает с определениями, используемыми в различных школах научной психологии. Наше определение не основано:

- Ни на чувстве личного синтеза, которое наблюдается нарушенным в субъективных расстройствах деперсонализации, так как это чувство связано с более узкими психо-органическими механизмами.

- Ни на психологическом единстве, которое даёт индивидуальное сознание, единстве, которое во многом выходит за пределы механизмов личности.

afi. Les types réalisés de personnalité sont extrêmement divers. Pour en donner un exemple dont la construction idéale ne peut être d'ailleurs qu'artificielle : une réalisation personnelle « heureuse » se caractériserait par la régularité et la signification humaine du développement personnel, la cohérence des idéaux, des conduites et de leur progrès, l'harmonie et le loyalisme des relations sociales; une « réalisation malheureuse » par les propriétés contraires. Si nous réfléchissons sur la notion de valeur que nous évoquons par ces termes de réalisation « heureuse » ou « malheureuse », nous trouverons son critérium dans un point de vue d'omniscience auquel nous ferons plusieurs fois allusion par la suite et qui ne peut jouer qu'un rôle primordial dans la science psychologique, 27. Sur ce point il serait préférable de remplacer par le terme de « troubles de la personnalisation », celui de « troubles de la personnalité » tel qu'il est employé par exemple dans le travail remarquable d'Hesnard, *Le Trouble de la personnalité dans les états d'artériosclérose psychique*, Alean, 1909, 2B, Au cours de la période de réaction scientifique contre la conception métaphysique de la personnalité, on a employé le mot personnalité avec le sens d'entité psychologique individuelle ou d'existence éternelle, ceci dans un but délibéré de protestation contre la croyance & la réalité métaphysique et l'unité substantielle de l'âme » (Lalande, *Vocabulaire philosophique*, article « Personnalité »), Quoique cet emploi soit abusif, il reste désormais inscrit dans des expressions qui ont fait fortune telles que : doublement de la personnalité. En réalité, dans le cas de scissions du moi », telles que nous en montre l'hystérie, apparaît une existence personnelle qui, bien qu'inconsciente, n'est pas moins certaine (cf. les travaux de Binet, de Janet, de Freud).

Реализованные типы личности чрезвычайно разнообразны. Для примера, хотя и в идеализированной форме: «счастливая» личностная реализация характеризуется регулярностью и человеческой значимостью личностного развития, согласованностью идеалов, поведения и их прогресса, гармонией и лояльностью в социальных отношениях. «Несчастливая» реализация, напротив, проявляет противоположные свойства. Если мы обратимся к понятию ценности, которую мы обозначаем терминами «счастливая» или «несчастливая» реализация, мы найдем её критерий в телеологической перспективе, к которой мы будем неоднократно возвращаться и которая играет ключевую роль в психологической науке.

Стоит отметить, что предпочтительнее использовать термин «расстройства персонализации» вместо «расстройства личности», как это предложено, например, в замечательной работе Эснера «Расстройства личности в состояниях психической астении» (Alean, 1909). В период научной реакции против метафизической концепции личности слово «личность» использовалось в значении «индивидуальная психологическая сущность» или «сознательная сущность» с намерением противопоставить его вере в метафизическую реальность и субстанциальное единство души (Лаланд, «Философский словарь», статья «Личность»). Хотя такое использование спорно, оно закрепилось в выражениях, таких как «расщепление личности». В действительности, в случаях «расщеплений Я», которые мы наблюдаем при истерии, можно увидеть определенную личную согласованность, пусть и на бессознательном уровне, что подтверждается работами Бине, Жана, Фрейда.
